

УДК 94(470) +572.9

ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ КАК ФАКТОР МИГРАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ 1920-1930-Х ГГ.

Леонова Н. А.

ГБОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт», Ставрополь, Россия (355015, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417^а), e-mail: mail@sspi.ru

В статье рассматриваются особенности изучения явления детской беспризорности как фактора, способствовавшего усилению масштабов миграции в условиях 1920-1930-гг. С позиций исторической науки автор анализирует явление в контексте исторических реалий 1920-1930-х гг., выделяя его причины, формы и особенности распространения. В качестве основных причин детской беспризорности выделяются войны и революции первых десятилетий XX века, социальная политика советской власти, а также индустриализация и коллективизация, повлекшие массовые переселенческие потоки, в том числе и детского населения. Автор подчеркивает, что изучение детской беспризорности как исторического фактора миграции, а не только в контексте государственной и образовательной политики в отношении детского населения, - одно из перспективных направлений исторического исследования.

Ключевые слова: история, история детства, история миграции, дети мигранты, детская беспризорность.

CHILD NEGLECT MIGRATION AS A FACTOR IN THE HISTORICAL CONTEXT OF 1920-1930

Leonova N. A.

GBOU VPO «The Stavropol state teacher training college», Stavropol, Russia (355015, Stavropol, Lenin's street, 417^a), e-mail: mail@sspi.ru

The article discusses the features of the study of the phenomenon of homeless children as a factor that contributed to increased migration to the conditions 1920-1930- years. From the standpoint of historical science, the author analyzes the phenomenon in the context of the historical realities of 1920-1930. Highlighting its causes, forms and features of propagation. The main causes of child abandonment allocated wars and revolutions of the first decades of the twentieth century, the social policy of the Soviet power, as well as industrialization and collectivization, caused massive resettlement flows, including the child population. The author emphasizes that the study of child homelessness as a historical factor of migration, not only in the context of public and educational policy in relation to the child population - one of the promising areas of historical research.

Keywords: history, childhood history, migration history, children migrants, children's homelessness

Детское население, наряду со взрослым населением, является участником всех миграционных процессов, имевших место в истории страны. При этом в отечественной науке детская миграция рассматривается лишь в контексте работ, посвященных различным аспектам истории детства, государственной политики в отношении детского населения, социального обеспечения детей в конкретные исторические этапы. Однако масштабность этого явления и его место в современном социуме предполагает самостоятельное комплексное исследование.

Среди факторов, способствовавших увеличению потока детей мигрантов в 1920-1930-е гг. необходимо выделить детскую беспризорность, ставшую следствием социально-экономического и политического развития тех лет.

Сразу следует отметить, что беспризорность, как одна из наиболее острых социальных проблем в 1920-1930-е гг., вызвала значительный интерес ученых тех лет, предпринявших

попытку найти ее причины и обозначить предполагаемые пути решения. При этом уже к середине 1920-х гг. в литературе подчеркивалась приоритетная роль партийных, государственных и общественных организаций во всех вопросах, касающихся детского населения.

По мнению Л.М. Василевского число сирот в СССР к 1923 г. составило от одного до полутора процентов от всего населения. Около полутора-двух миллионов детей были кандидатами в беспризорники. Два-три процента несовершеннолетних нуждались в заботе государства, что составило от двух миллионов семисот тысяч до четырех миллионов детей и подростков [2, с. 6].

Следует отметить, что Московская конференция по борьбе с детской беспризорностью, проходившая 16-17 марта 1924 г., первой в советской России поставила эту проблему на научный уровень. Уже 15 октября 1924 г. постановлением ВЦИК второго созыва была констатирована необходимость продолжения и совершенствования работы по борьбе с детской беспризорностью.

В дальнейшем эта проблема неоднократно поднималась на научных и общественных мероприятиях разного уровня, обсуждалась на страницах периодики тех лет, в научной и публицистической литературе, сборниках материалов конференций. Большое внимание уделялось изучению причин и социальных корней этого явления, проблеме детской преступности, роли общественных, партийных организаций и государства в борьбе с беспризорностью, формам и методам привлечения беспризорных детей к общественно полезному труду в рамках трудового воспитания подрастающего поколения.

Интересна психологическая характеристика беспризорника, данная Залкиным А. Б. Тяжелые условия жизни беспризорного ребенка развивали в нем острее и глубже, чем у других детей, инстинкт самосохранения. Беспризорник, по выражению Залкина, «сугубо осторожный реалист». Органы чувств у него все воспринимают резче, острее, глубже. Он менее способен к синтезу, более эмоционален, у него наблюдается раннее развитие сексуальности, склонность к авантюризму, трудовая неустойчивость. Как вернуть беспризорного ребенка в нормальную среду? Как его воспитывать? Нужно ли отправлять его на принудительное лечение, в тюрьму или специальные приюты? Отвечая на эти вопросы, А. Б. Залкин однозначно утверждал и настаивал на том, что все перечисленные психические особенности беспризорного ребенка имеют характер условных рефлексов и психоневрозов, а значит, они устранимы. Кроме того, беспризорник, по мнению Залкина, обладает ценным моральным фондом.

Проводя прямую зависимость между беспризорностью и детской психопатией, Залкин А. Б. отмечал, что в капиталистических странах беспризорность напрямую связывают с

психологическими отклонениями, говоря о врожденной беспризорности, моральной дефективности, психопатической конституции, о врожденных инстинктах и предрасположенности ребенка к преступности. Однако Залкинд отрицал это, считая, что беспризорные дети, которые, по его подсчетам, в 95 - 98 процентов происходили из пролетарской среды, страдали психопатией не больше, чем другие. Обвиняя капиталистическое общество и представителей зарубежной науки в предвзятом отношении к беспризорникам, Залкинд объяснял это их стремлением свалить на детей ответственность за дефекты капиталистического строя. Проблемы наследственности, вырождения, детская беспризорность и преступность вызвана условиями среды, то есть имеет социальные корни. Конечно, Залкинд не отрицал, что среди беспризорников нет психически больных детей («психопатов»), но этот процент был не выше, чем среди остальных детей [4].

Социальные корни детской беспризорности исследовала Лившиц Е. С. Ссылаясь на статистические данные, она попыталась дать сравнительную характеристику беспризорности в капиталистических странах и в СССР. И там, и там по социальной принадлежности беспризорники в массе своей – дети трудящихся, рабочих и крестьян, и далеко не выходцы из преступной среды. Но даже преступники-рецидивисты, по статистическим данным, – в большинстве были детьми трудящихся. И как раз эта категория более других нуждалась в помощи, так как именно в их среде выше всего был процент безработных, сирот и полусирот. Причины беспризорности в столь массовом масштабе, особенно среди подростков, Лившиц Е. С. видела в социальных условиях, в частности, в безработице, а не в личных свойствах и качествах ребенка или подростка. Лившиц Е. С. высказала отрицательное отношение к оценке беспризорных детей как нравственно отсталых, считая, что для этого нет никаких оснований. Разделяя мнение Залкинды, она называла систему принудительного воспитания беспризорных детей системой классового подавления, отвечающей интересам господствующего класса. Лившиц Е. С. неоднократно подчеркивала необходимость отказа от системы решеток, закрытых дверей и изоляторов [7].

Среди причин, вызвавших увеличение количества беспризорных детей, влившихся в общий миграционный поток, исследователи выделяют, в первую очередь, послевоенную разруху. В эпоху перемен и катаклизмов одной из самых незащищенных социальных категорий были и остаются дети. По некоторым подсчетам, уже к началу 1921 года в стране насчитывалось около 5,5 млн. беспризорных детей, к 1922 году их было более 7 млн. [8].

Война, разрушившая многие семьи, способствовала росту числа беспризорников и сирот, которые выросли в условиях «военной заброшенности» [1, с. 6].

Не менее значимой причиной увеличения числа беспризорных детей стал голод как 1920-х, так и 1930-х годов, охвативший огромные территории страны, в первую очередь,

хлебные районы. Периодика начала 1920-1930-х годов пестрила заголовками о брошенных детях, умирающих на улицах от голода. Отправляясь «куда глаза глядят» в поисках продуктов питания, многие родители, чувствуя, что не смогут нести и прокормить своих детей, подбрасывали их под стены приютов или просто бросали. Опухших от голода детей можно было встретить повсюду. Они питались кореньями, травой, падалью. Как один из обычных и рядовых на страницах газеты описывается случай, когда гражданин села Кевсала (Ставропольская губерния) отправился с 17-летней сестрой и двумя маленькими детьми в хлеботородные места. Однако добраться туда с детьми оказалось трудно, и он, договорившись с сестрой, оставил детей в пустом помещении по пути, прикрыв их рогожей. Детей нашли чужие люди и отправили их в детский дом [6].

Детские приюты и дома организовывались практически в каждом селе, однако, это не помогало в решении проблемы беспризорником и явление миграции детского населения приобрело огромные масштабы. Детей размещали в бывших усадьбах, реквизированных зданиях и помещениях, зачастую непригодных для того. Несмотря на то, что государство на бумаге брало на себя материальное обеспечение детских домов, на практике этот вопрос был передан в ведение местных организаций, которые, в свою очередь, переложили его на население. Так называемое добровольное отчисление трудящихся из заработной платы, взносы кооперативов и других организаций не могли решить огромную по масштабам проблему детской беспризорности.

Масса бездомных детей в условиях голода была вынуждена воровать и попрошайничать. Наиболее распространенными были мелкие кражи, которые стали самым обычным явлением среди бездомных детей. Кроме того, на страницах периодической печати тех лет неоднократно отмечался рост детской проституции. За кусок суррогатного хлеба бездомные девочки 12 - 15 лет «...ложатся где попало: по углам, в сенях, сараях, канавах». [5, с. 121]

Урбанизационные процессы 1920-1930-х гг. также стали причиной миграции детского беспризорного населения, особенно из сельской местности. С середины 1920-х гг. переселенческая политика, проводившаяся в соответствии с планами развития народного хозяйства, проводилась добровольно. С процессом коллективизации связано выселение значительного числа крестьян в отдаленные районы страны. По некоторым подсчетам, всего за 1930-1932 гг. в кулацкую ссылку за пределы своих регионов было отправлено более 380 тыс. семей общей численностью 1803,4 тыс. человека. Приблизительно треть из них – детское население [3].

В целом, индустриализация и коллективизация, вылившаяся в принудительное выселение раскулаченных, вызвали в свет увеличение числа беспризорных детей, что, в свою

очередь, отразилось на миграционных процессах, придав им принудительный, репрессивный и масштабный характер [2, с. 3].

Показательно, что миграция, имевшая в качестве важного фактора детскую беспризорность, в свою очередь, как отмечают исследователи, способствовала снижению рождаемости. Во-первых, она разрывала на определенное время семейные узы; во-вторых, мигрантов, прибывающих из села в город, изменялось репродуктивное поведение в сторону малодетности; в-третьих, трудности адаптации к новым условиям могли заставить мигрантов воздержаться от вступления в брак или рождения детей [3].

Анализ причин, вызвавших резкое увеличение числа беспризорных детей в 1920-1930-е гг., позволил выделить две основные формы проявления детской миграции или два миграционных потока – беспризорные дети «местные» и «пришлые». Они смешаны в хронологическом плане, нельзя сказать, что один из них характерен только для 1920-х или 1930-х гг. Так, голод 1921-1922 гг. вызвал в свет волну детей-беженцев из голодных губерний или регионов страны (с учетом особенностей административно-территориального деления), для населения которых они стали «пришлыми». «Местные» дети искали пропитания в рамках голодающих губерний, о чем было уже сказано. К этой же форме можно отнести массовый исход крестьянского населения в города в условиях голода, начавшейся индустриализации, усилившихся урбанизационных процессов.

Таким образом, административно-территориальное реформирование, переселенческая политика, колонизационные процессы, изменения социально-экономического и политического характера, военные и революционные события 1920-1930-х гг., – все в совокупности выступало причиной увеличения доли детей-беспризорников в общем миграционном потоке. Поэтому выделение явления детской беспризорности как исторического фактора миграции, и его изучение не только в контексте государственной и образовательной политики в отношении детского населения, но и как самостоятельного исторического феномена, вполне обоснованно. Исследовательские парадигмы истории детства при изучении миграции, помимо анализа исторического контекста, позволяют обозначить направления и основные тенденции исторического развития миграции детского населения, выяснить их причины и обусловленность социально-экономическими и политическими реалиями тех лет, и, в целом, более объективно, предметно и комплексно исследовать и историю детства, и миграцию как исторические явления.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта «Социологическое сопровождение предупреждения конфликтных отношений студентов-мигрантов в поликультурном сообществе Северо-Кавказского региона», № 15-03-18041.

Список литературы

1. Василевский Л. М. Голгофа ребенка. Беспризорность и дети улицы. - Л.- М.: Издательское товарищество «Книга», 1924. - 118 с.
2. Волошинова И.В. Переселенческая политика Советского государства в 1920-1930-е годы в отечественной историографии: Автореф. дис. канд. ист. наук. - Санкт-Петербург, 2002. - 22 с.
3. Денисенко М. Демографический кризис в СССР в первой половине 1930-х годов: оценки потерь и проблемы изучения // Историческая демография. Сборник статей / Под ред. Денисенко М.Б., Троицкой И.А. - М., 2008. - С. 132-133.
4. Залкинд А. Б. О так называемых трудных детях. - М.: Б. и., 1924. - 46 с.
5. Леонова Н.А. Детский вопрос в 1920-е годы в отечественной историографии и на страницах периодической печати тех лет (по материалам Северного Кавказа) // Вестник СГПИ. - 2006. - №8. - С. 121.
6. Леонова Н.А. Изменение представлений о ценности детства в условиях голода 1921-1922 годов // Вестник СГПИ. - 2007. - №9. - С. 128-134.
7. Лившиц Е. С. Социальные корни непризорности. - М.: Просвещение, 1925. - С. 133-137.
8. Павлов А. Н. Борьба милиции с преступностью в годы НЭПа // Вопросы истории. - 2004. - № 10. - С. 141.

Рецензенты:

Крючков И. В., д.и.н., профессор, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Покотилова Т. Е, д.и.н., профессор, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.